

Мы расстались в июне, сорок второго, когда его ранило пулей навзлет под Рязанью. После госпиталя он не вернулся в наш полк, и я ничего не знал о его судьбе. В последние годы я долго разыскивал этого человека, с которым был съеден не один пуд горькой военной соли. Нынешним летом, наконец, попал на след. Он, оказалось, живет в Москве, работает инженером. Теплым было его первое письмо, но в нем же сообщал, что старые раны дают знать и потому отбывает в Крым, в санаторий. Мне тоже предстояла поездка на юг. Обмениваемся открытками, телеграммами, договариваемся: он возвращается из «Ливадии», я выезжаю из Пскова, а встречаемся на земле, где свели фронтовые дороги.

И вот — Матвеево-Курганский вокзал, крепкие дружеские объятия.

Потом — номерок гостиницы в тихом углу Первомайской и ночь напролет, бесконечные: «А ты помнишь?»

Я, конечно же, помнил все. Вставала в памяти суровая долина Тузлова. Наш батальон залег там под шквальным ми-

Солдатская память

нометным огнем немцев. Кто-то из бойцов начал пятиться назад. И в этот трудный момент в цепях появился молодой лейтенант. Среди разрывов прозвонил его голос:

— За мной! За Родину!

Это был он, комбат Нил Зайцев. Декабрьской ночью сорок первого его батальон первым вошел в горящий Матвеев-Курган, сходу пытался прорваться на Миусские высоты. Позднее не раз он водил бойцов на Волкову гору, которая значилась на наших военных картах как высота 105,7, случалось, ложился к «Максиму», отбивая атаки гитлеровцев. Простой, энергичный, смелый, он был любимцем солдат.

Сколько же он прошагал фронтами. Сейчас узнаю: после Миуса сражался на Курской дуге, форсировал Днепр, был в Карпатах, брал Виленский плацдарм.

На его пиджаке замечаю широкую орденскую колодку. По ленточкам вижу: награжден орденами Отечественной войны, Александра Невского, Боевого Красного знамени.

— Знамя-то, кажется, здесь получил, под Матвеев-Курганом?

— Ну, да, — отвечает он, — помнишь, за «языка», взятого у криницы?

Еще бы не помнить! Ведь об этой его разведке говорила тогда вся наша 56-я армия.

ТОГДА стоял такой же знойный, как нынче, июнь. До наших позиций с севера доносились глухое погромывание. Там завязались бои, немцы рвались к Дону. А здесь, под Матвеев-Курганом

на участках нашей 339-й и соседних дивизий стояла тишина, нарушаемая лишь минометными дуэлями, артналетами, да стычками патрулей. В мареве дрожали правобережные высоты, испещренные немецкими окопами. Оттуда иногда доносился гул моторов. Что же замышляет перед нами враг? Нашему командованию требовался «язык», пленный. Чтобы добыть его, темными ночами уходили за Миус разведчики. И случалось гибли или возвращались ни с чем. Слишком плотна была оборона гитлеровцев: минные поля, проволока с гремющими консервными банками, секреты с овчарками, чутко ловившими малейший шорох. И вот тогда в штаб дивизии был вызван он, комбат Зайцев:

— «Язык» добыть любой ценой!

— Разрешите лично возглавить разведчиков, — попросил тогда Зайцев.

Ходить в разведку — не дело комбата, но обстановка была трудной, и командир дивизии сказал:

— Разрешаю.

После того не раз и не два он пробирался за Миус, залегал под носом у немцев, высматривая все, что творилось у их траншей. Однажды заметил: в проволочных рогатках сделан проход. Для чего? От разрыва в проволоке к реке вела тропка. Кончалась она у криницы — ключа, пробивавшегося с расклевывания берега.

Вон оно что! Сразу же созрел план, который выполнил следующей ночью.

С вечера он приполз к кринице вместе с тремя разведчи-

ками. В масках, слившись с землей, они залегли у ключа, сам же расположился с ручным пулеметом в минной воронке поодаль.

Немец-ефрейтор показался в проходе перед зарею. С канистрой в руке он опустился к ключу, наклонился... Тенью метнулся к нему разведчик, тряхнул заткнули рот. Но он выбросил кляп, крикнул. С окопов на помощь рванулось с десяток солдат. И тут он Зайцев, нажал на спуск пулемета. Положив их, он оглянулся назад: группа захвата тащила ефрейтора уже через Миус. Значит, пора отходить и ему, комбату. Но справа, с бугра, пытаясь отрезать разведчиков, к реке бежало много немцев. Вызвав огонь своих пушек, он снова лег к пулемету.

Потом было так: разведчики с пленным ввалились в свои окопы, «языка» переправили в штаб дивизии, а его, комбата, все не было. Не вернулся он и к исходу дня. С ним уже распрощались, когда на рассвете он, контуженный, оглушенный, в изодранной гимнастерке, но с покатленным «Дегтярем» приполз к охранению батальона.

— Раньше же было никак не выбраться, — вспоминал теперь Нил Александрович, — сам оказался в кольце, гранатами пробивался к своим...

Он взглянул на часы, стрелки которых показывали два ночи, добавил:

— Хорошо б у криницы той побывать.

— Разыщем ли? — усомнился я. — Ведь прошло столько времени.

— С завязанными глазами

найду, — возразил собеседник. — Ведь я же там все исходил, исползал. Это в сторону Кирсановки. Только бы транспорт добыть.

Рядом с нами на койке лежал паренек. При последних словах голова его повернулась:

— У меня мотоцикл тут стоит, у гостиницы, могу подбросить.

УТРОМ мы были в пути.

Слева, за Миусом, розовели высоты. К дороге подступали кукурузные поля, колосилась пшеница, долину сплошь покрывали сады. Парень, что вел мотоцикл, пояснял: это земли совхоза «Садбаза», там вон консервный завод. Но что ж мой комбат? Удивленный, всматривался он в окрестности, иногда вылезал из коляски, прохаживался и разводил руками:

— Вроде здесь стоял батальон, но тогда ведь пусто было, одни пни лишь торчали... Он окликал прохожих, чертил на бумаге схему:

— Здесь где-то Миус петлей подступает к высотам... Старички подтверждали: да, речка в этих местах петляет и был тут бой за пленного немца, но криница... шут ее знает где. Вон сколько понастроено у Миуса колодцев и каждый ведь на ключ!

Девчушка-школьница, подосевшая к нам, робко проговорила: она писала сочинение о том, как советский герой-разведчик захватил фашиста. Нил Александрович полюбопытствовал: как же звали того героя, о котором она писала. Девчушка наморщила лоб: «Зайцев. А ваша фамилия как?»

Нил улыбнулся, ничего не ответил, погладил головку школьницы, тронулся к Миусу. Он был настойчив, мой друг! Перейдя по мосту через реку, он поднялся на холм, с которого открывался вид на долину. Внизу белели фермы, стеклами окон светились дома поселка Демидовка, броско зеленели огороды. Но по склону холма змеилась балка. Чем-то знакомой показалась она моему спутнику. Он припомнил:

— По ней ведь бежали немцы на помощь тому ефрейтору... Теперь он молча начал спускаться вниз, куда вела эта балка. Он шел напрямик, огородами, перелезал через изгороди, продирался кустарниками. Раздвинув густые заросли ивы, увидел блестящую речку. Взгляд его приковала расселина в берегу: в ней журчал ручеек.

Солдатская память не подвела: это была она, его криница! Чуть выше белел сруб колодца, от которого вылился по откосу тропки. Но тот же давний ключик бурлил перед ним, поднимая со дна песчинки, рвался вверх, будто приветствуя его, комбата.

— Вот мы и встретились, — с легкой грустинкой проговорил он, присаживаясь у берега.

Он долго сидел так, слушая говорок ключа, погруженный в былое. О чем он думал? Может о том, далеком июньском рассвете, когда ему было чуть побольше двадцати и он лежал здесь у пулемета, заслоняя собой разведчиков, один сдерживая роту немцев? Как сам, окруженный, пробивался потом к батальону, полз, оглушенный, изнывая от мучившей жажды, по изрытой воронками долине? Или о веснах, прошумевших с

тех пор, омолодивших эти места, но посеребренных его голову...

ПОТОМ мы были в Рязаном и Рязаном. Мы выискивали другие «криницы», других свидетелей нашего прошлого. Мы проходили улицами, на которых в мазанках размещались наши «КП» и «НП». Но на месте тех глинобитных домиков видели новые, незнакомые, кирпичные, с застекленными верандами, телеантенами. Там, где были «землянки» наши в три маната, высились школы, Дворцы культуры. Вместе с директором совхоза Борисом Васильевичем Дорошенко мы ехали полем, по которому некогда проходил левый фланг нашего третьего батальона. Но кругом теперь простирались любовно возделанные нивы, колосилась пшеница, а Борис Васильевич пояснял:

— Вот тут стопудовые урожаи снимаем, а там отлично растут арбузы.

И право же, глядя на эту чудесную новь, проходя селами, похожими на городки, мелькала странная мысль: да в том ли мы Рязаном, правобережную часть которого не раз штурмовал его, Нила Зайцева, батальон и где он однажды упал, поджогенный немецкой пулей? В том ли Рязаном, которое некогда виделось нам с окопов лишь прокопченными печными трубами? Но справа синели до боли знакомые Миусские высоты, столько мозолившие нам тогда глаза, и один только взгляд на них обращал нас к прошлому, к юности.

Мы будто вновь выходили на рубежи атак, ползли заснеженной долиной навстречу этим, сейчас таким мирным, а тогда изрыгавшим огонь, высотам.

Мы будто наяву видели цепи моряков, своих соседей, с автоматами и гитарами, поднимающиеся по Рязанскому взгорью. Перед ними не устояла тогда эсэсовская пехота, но навстречу им вышли танки. Они вскакивали на броню, в ярости долбили прикладами башни, а из-за гребня выползали все новые танки...

Мы вспоминали лейтенанта Василенко, сложившего голову под Рязанью, парторга Андреева, павшего в Рязанской каменоломне. Говорили о них, недоживших, недолбивших, и потом вечером, вернувшись в гостиницу. Вспоминали отважного артиллериста Донченко, воевавшего с нами в этих краях, начальника штаба батальона Сашу Лебединцева, адъютанта Николая Щапкова, командира взвода автоматчиков, моряка Полякова... Где они сейчас? Вот бы собраться всем вместе здесь...

А ЗА ГОСТИНИЧНЫМ окном, сияя, переливался огнями, звенел песнями Матвеев-Курган, село, с которым мы породнились суровой военной зимой сорок первого. Мы свиделись с ним более четверти века назад. Завтра же нам предстояло расстаться друг с другом и с ним, селом — войном, героем, тружеником, и поэтому на сердце было немного грустно: когда-то встретимся вновь?

А. ГОЛУЗОВ,
бывший командир роты автоматчиков.

На снимке: Нил Зайцев на месте происходивших боев.

Фото автора.